

же время многолик, его образ складывается из черт, присущих русским богатырям, странникам, сказочному Ивану, чудакам, юродивым, рассудительным «мужикам с головой».

В лирике Л. конца 1990–2000-х все чаще начинают звучать мотивы восприятия мира как Божьего творения, утверждаются незыблемые христианские ценности. Поэт, подобно неоплатоникам, пытается разрешить принципиально важную для него проблему: «Как одолеть зыбкий мирской путь, продираясь сквозь мощные языческие ощущения мира, через идоло- и огнепоклонничество, и обратить лицо свое к свету с Фавора, Божьему Свету, Свету Белому, не растеряв при этом земных плодоносных сил, чтобы твоя материальная, трепещущая плоть ощущала вкус жизни и находилась в гармонии с духовной сущностью человека?» (Сквозь сумерки. С. 6). Этот путь отчетливо ощутим в стихах Л. рубежа XX–XXI вв., отражающих тягу поэта к гармонии и чистоте, веру в милосердие Божие («Может, там, в поднебесье, и ястреб железный не свищет, / Божьи твари открыто на солнышке греют бока / И с утра до заката ни разу не встретится нищий, / А к реке подойдешь — так спокойно она, глубока. / Оглядишься вокруг, и тебя не терзают вопросы: / Отчего недороды и церкви стоят без крестов? / Потому что хлеба наливаются золотом. Росы / Отражают в себе Богородицы лик и Христов»).

При разнообразии лирических настроений и интонаций доминирующим в поэзии Л. остаются восхищение перед жизнью, восторг, который вызывает красота мира, обостренно воспринимаемая всеми органами чувств. Негодование, яростный отпор, вызванный состоянием совр. общества («Неужели я этой бесовской истории сын, / замурованный прочно в голодной и нищей России?»); «Надоело смотреть на российские дикие страсти»), сменяются уверенностью в конечной осмысленности и целесообразности мира. В лирике Л. последних лет все чаще звучит мотив приятия жизни: «А жизнь в самом главном всегда хороша, / была бы способна к страданью душа / да было б окно заревое»; «Я мир любил со дня творенья»; «Пусть в небесах вытаивает млечность / И сыпет сверху звездная капель. / Все впереди, куда Бог и вечность / Рассказывают жизни колыбель».

Л.— один из инициаторов и организаторов поэтических фестивалей в Каргополе, получивших статус всероссийских (2001). Лауреат областной лит. премии им. Н. Рубцова (2000), Всероссийской лит. премии им. Ф. Абрамова (2001). Награжден Министерством культуры РФ знаком «За достижения в культуре».

Соч.: Два света. М., 1984; Голубинный колодец. Архангельск, 1986; Вторая встреча // Лит. учеба. 1988. № 1; Неслучайная встреча. М., 1990; Сеча. М., 1995. Сквозь сумерки. Архангельск, 2000; Час прозрения // Двина. 2001. № 1–2; Стихотворения // Любимые дети державы: Русская поэзия на рубеже веков. М.: Держава, 2002. С. 265–286; Дети окраин // Двина. 2003. № 1.

Лит.: Михайлов Ал. Гласности! // Лит. учеба. 1988. № 1; Попов М. Из тьмы и света рождается слово поэта // Белый пароход. 2000. № 2 (15); Соболев М. Я не верю вечности покоя! // Волна. 2001. 16 янв.; Баранова-Гонченко Л. У карты непокоренной России // Российский писатель. 2002. № 10(37); Доморощенин С. Слышу странные гулы планеты // Правда Севера. 2002. 25 июля; Рудалев А. Гимн ночи // Гиперборей. Северодвинск, 2002. № 4.

Е. Ш. Галимова

ЛОЗИНСКИЙ Михаил Леонидович [8(20).7. 1886, Гатчина — 1.11.1955, Ленинград] — поэт, переводчик.

Л. родился в семье присяжного поверенного, по происхождению дворянина Подольской губ. С детства жил в Петербурге. Окончил Петербургский ун-т в 1909, много путешествовал по Германии, Франции и Италии. Ранние стихи Л. датированы 1907–09, первые публикации — в созданном Л. ж. «Гиперборей» (1912. № 2, 6, 9, 10), в котором Л. поместил также несколько своих рецензий на творчество близких ему поэтов.

«Гиперборей» (1912–13), задуманный редактором-издателем Л. как «ежемесячник стихов и критики», от прочих периодических изданий отличался тем, что здесь отсутствовали традиционные журнальные разделы; «Гиперборей» помещал на своих страницах лишь стихи и рецензии. По жанру это издание больше всего напоминало альманах. «Гиперборей» печатал произведения А. Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама, а также А. Блока, М. Кузмина, И. Эренбурга и др. авторов, мн. из которых стали поэтами первой величины, гордостью Серебряного века русской лит-ры. Всего вышло 10 номеров, после чего издание прекратилось, хотя было несколько попыток возобновить его. Одну из них предпринял И. Эренбург, высоко оценивший «прекрасное начинание петербургского Цеха поэтов» и начавший издавать в 1914 в Париже аналогичный «Гиперборей» ж. «Вечера». В 1921 Н. Гумилев, О. Мандельштам, В. Рождественский и др. поэты выпустили в Петрограде один номер ж. «Новый Гиперборей», они же принялись за издание альм. «Цех поэтов» однако, все попытки развить начинание Л. закончились неудачно.

М. Л. Лозинский

Первая и единственная книга стих. Л. «Горный ключ» вышла в 1916. В 1922 она была переиздана. Изредка стихи Л. появлялись в коллективных сб.: «Тамаре Платоновне Карсавиной» (1914), «Восемьдесят восемь современных стихотворений, избранных З. Н. Гиппиус» (1917), «Образ Ахматовой» (1925), печатались они и в альм. «Цех поэтов» (1921. № 2). Однако с середины 1920-х Л. перестал выступать с собственными стихами и до конца жизни печатался как переводчик.

Толчком к переводческой деятельности послужило сотрудничество Л. в созданном М. Горьким изд-ве «Всемирная лит-ра». Немаловажным обстоятельством при этом стало и стремление Л. уйти от социального заказа, «который чаще всего сковывал творческие искания писателей». Уход в переводческую деятельность был характерным явлением той эпохи. И это имело большие положительные результаты. Именно в 1920–30-е было переведено на русский яз. огромное количество зарубежных произведений. Переводами занимались одаренные поэты и прозаики, одним из них был и Л.

Л. перевел роман Р. Роллана «Кола Брюньон» (1932), новеллу П. Мериме «Кармен», изданную в особой серии изд-ва «Academia» с параллельным французским текстом (что давало возможность убедиться в блистательных достоинствах перевода Л.). Но наиболее яркие достижения Л.-переводчика (как и должно было быть у истинного поэта) обна-

ружились тогда, когда Л. обратился к поэтическим переводам. Л. свободно владел английским, немецким, французским, испанским и итальянским яз., а когда перед ним встала задача перевести поэму персидского поэта Фирдоуси «Шахнаме» (1934), он занялся изучением языка оригинала и освоил его до такой степени, что не пользовался подстрочником. Поэма Фирдоуси стала первым большим поэтическим переводом Л. За ней последовал «Сид» П. Корнеля (1938), комедии Лопе де Вега «Собака на сене» (1938) и «Валенсиянская вдова» (1939).

Сторонник сохранения ритмической формы оригинала, Л. умел находить нужную рифму, соблюсти точность в передаче значений и сохранить индивидуальное и национальное в переводимом произведении. Переводы Л.— это высокая поэтическая работа. Б. Томашевский писал: «Дисциплина словесной культуры — основное качество переводов Лозинского. Она-то и обеспечивает ему победу в разрешении основного: передачи точного смысла подлинника в неразрывном единстве с воспроизведением точного характеристического колорита. Переводы Лозинского сами внушают уважение к дисциплине слова» (Искусство и жизнь. 1940. № 8. С. 13).

Л. переводил комедии Мольера («Тартюф», 1940) и Шекспира («Двенадцатая ночь», 1953; «Сон в летнюю ночь», 1954), армянский эпос и поэзию Гете. Он одинаково остро чувствовал и буйный настрой испанской комедии, и первобытные краски древних эпических произведений, и строгость германского стиха.

Основной работой Л. стал перевод одного из величайших произведений мировой лит-ры — «Божественной комедии» Данте, воспроизвести которую по-русски пытались многие в течение более 100 лет, еще с пушкинских времен. Но только в результате работы Л. русская лит-ра впервые получила подлинно поэтическое истолкование Данте. Этому, безусловно, способствовала и филол. эрудиция переводчика, и его высокая поэтическая культура, и творческий подъем, сочетавшийся с огромной работоспособностью. За этот труд Л. в 1946 был удостоен высшей лит. награды того времени — Сталинской премии 1-й степени.

Л. не только переводил, но нередко выступал как автор реальных и историко-лит. комментариев («Гамлет», «Жизнь Бенвенуто Челлини» и др.), а также литературоведческих сочинений и работ в области теории худож. перевода.

Соч.: Горный ключ. Пг., 1916.

Лит.: Томашевский Б. Мастер перевода // Искусство и жизнь. 1940. № 8; Федоров А. О творчестве М. Лозинского // Звезда. 1946. № 10; Эткинд Е. Искусство переводчика // Иностранная литература. 1956. № 3; Эткинд Е. Архив переводчика // Мастерство перевода. М., 1959; Татосян Г. Лозинский — переводчик Саят-Нова // Лит. Армения. 1962. № 7; Ивановский Игн. О двух мастерах // Север. 1969. № 6; Шор В. Кола Брюньон: на рус. яз. // Мастерство перевода. М., 1970; Баццарелли Э. О переводе «Божественной комедии» Лозинского: Система эквивалентов // Сравнительное изучение литератур: Сб. статей к 80-летию академика М. П. Алексеева. Л., 1976; Федоров А. Искусство перевода и жизнь литературы. Л., 1983; Миллер Е. Михаил Леонидович Лозинский: Из воспоминаний / публ. Ив. Толстого // Русская мысль. 1990. 6 апр.

В. В. Попов

ЛОСЕВ Лев (до 1981 Алексей; настоящее имя Лев Владимирович Лифшиц) [15.6.1937, Ленинград] — поэт, эссеист, литературовед, драматург.

Отец — В. А. Лифшиц, поэт, детский писатель. Мать — А. М. Генкина, автор нескольких стихотворных книг для детей. За вычетом немногих лет (1941–44 — годы эвакуации в Омске, 1959–60 — работа на Сахалине) до февр. 1976 жил в Ленинграде. С 1954 по 1959 учился на филол. ф-те ЛГУ, где познакомился и подружился с Л. Виноградовым, В. Герасимовым, М. Ереминым, С. Кулле, В. Уфляндом, составившими (вместе с А. Кондратовым) лит. содружество, заметное в неофициальной культурной жизни Ленинграда конца 1950–70-х. В начальной стихотворной практике Л. сильнее всего воспринял обэриутские веяния. Большое значение для Л. имело посещение (вместе с Ереминым и Виноградовым) 29 янв. 1956 Б. Пастернака, в поэзию которого он был влюблен с детства. Главным для Л. всегда была автономия личного переживания, сбереженная от чужеродных примесей память. Наслушавшись и начитавшись проповедников всех рангов, Л. предпочел умозрение Чехова, Зощенко и Шварца, т. е. необозримую сферу конкретных суждений, разлад и полноту частного существования.

В неоконченной книге «**Меандр**» Л. рассуждает: «Всегда находились поэты и художники достаточно молодые, пьющие или сумасшедшие (или все это вместе), чтобы пренебрегать опасностью и резвиться лагерной бездны на краю. <...> Водка была катализатором духовного раскрепощения, открывала дверцы в интересные подвалы подсознания, а заодно приучала не бояться — людей, вла-

стей». Первый раздел первой свободно изданной книги стихов Л. «**Чудесный десант**» (1985) называется «Памяти водки». Это память об артистической «жизни напоказ», но не о «жизни показательной», запечатленный опыт отчуждения от карьеристских потуг — противоположный практике закулисного куража карьеристов.

Печатался Л. с 17 лет. После недолгой журналистской работы в газ. «Сахалинский нефтяник» работал редактором в детском ж. «Костер» (1962–75). Писал стихи для детей, которые вошли в книги «**Зоосад**» (Л., 1962) и «**Смелый профессор Булавочкин**» (Л., 1969). В начале 1970-х он сочинял пьесы для кукольного театра («**Неизвестные подвиги Геракла**», 1972); в 1975 совместно с женой Н. Моховой написал пьесу «**Слон прилетел!**», а перед самой эмиграцией в соавторстве с Виноградовым и Ереминым — пьесу «**Медвезайцы**». Она с успехом шла в ленинградском кукольном театре Евгения Деммени уже после отъезда Л., но без его имени на афишах.

В 1972 из Ленинграда уехал в эмиграцию И. Бродский, знакомство с поэзией которого и с ним самим весьма впечатлило Л. В 1976 Л. эмигрировал в США. Получил место в американском изд-ве «Ардис», специализирующемся на выпуске русских книг, параллельно (в 1977) поступил в аспирантуру Мичиганского ун-та. Оставил «Ардис»

Л. Лосев